

Средства комизма в фольклоре казаков Южного Зауралья

© Н.Е. УКРАИНЦЕВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются разнообразные средства комизма, встречающиеся в фольклоре бывших казачьих станиц Южного Зауралья.

Ключевые слова: фольклор казачества, фольклорный театр, раешный стих, раус, комическое, средства комизма, юмор и сатира.

The article researches the various means of comedy which are found in folklore of the former Cossack villages of the Southern Zauralie, and the ways of development in national culture.

Key words: comic, means of comedy, the folklore of the Cossacks, humour and satire, folklore theater, folk buffoonery poetry, raus.

Исходя из определения комического как социально-культурной реальности, как «общественно значимого противоречия действительности», критически отраженного в искусстве [1], можно говорить и о комическом в фольклоре, рассматривая его как искусство слова. В XVIII- XIX

веках в русской народной культуре шел процесс переосмысления и трансформации смеховой традиции. Смех из формы восприятия картины мира, выявления его законов превращался в другие формы, приобретал социальный характер. Классический фольклор осваивал юмор и сатиру, обогащался такими оттенками, или средствами смеха, как шутка, ирония, сарказм, парадокс и др.

В формировании представлений народа о комическом важную роль играл фольклорный театр, который долгое время являясь неотъемлемой частью праздничных гуляний, воздействовал на повседневную речь людей. О его роли в духовной жизни русского народа свидетельствует обращение к фольклорному театру исследователей в XIX – начале XX века: записываются тексты прибауток, комических диалогов, которые звучат на ярмарках. В 1860-е годы А.С. Гациским собраны прибаутки нижегородских раёшников [2]. В 1905 году Н.Н. Виноградовым и В.Н. Добровольским издаются тексты о русском вертеле и кукольном театре [3]. «Непременной частью праздничных увеселений, – отмечают А.Ф. Некрылова и Н.И. Савушкина, – с начала XIX века становится раёк (или потешная панорама), завоевавший популярность у зрителя. Веселая речь раёшников раздавалась на Марсовом поле Петербурга и на ярмарках Нижнего Новгорода, Саратова...» [4. С. 17]. «Над приключениями героя кукольного театра Петрушки смеялись не только жители столичных и уездных городов, но и крупных сел и небольших деревень, казачьих станиц» [Там же. С. 252].

В 2013 году появилась замечательная публикация рукописи конца XIX века (казака-подполковника Н.В. Агапова) о походной жизни оренбургских казаков в Средней Азии. Учеными отмечена интересная художественная черта этого автора. Комментируя рукопись, Т.И. Рожкова говорит об использовании в тексте «низовой литературы» казачества элементов фольклорной речи, раёшного стиха – стремления автора «сочетать сходно звучащие слова как в пределах одного предложения, так и в целых фрагментах» [5. С. 325], что придает его воспоминаниям живость и динамичность: «В заключение всего, ныне нет уже того, не проходит и одного дня, чтоб не случилась между русскими и ордынцами резня, и это уж время прошло, и явилась повсюду тишина, и вся Азия Белым Царем покорена» [Там же. С. 103]. По мнению Т.И. Рожковой, раёшный стих в тексте рукописи «не только способствует созданию комического эффекта, но и маркирует значимые фрагменты текста» [Там же. С. 325].

Подмечена в «Записках...» и другая особенность организации слова, также прием фольклорной речи – театрализация, уход от одного авторского голоса к голосам других персонажей: «...посадив рядом с собой меня, Савин полковник начал расспрашивать:

– Ну, есаул, как ты с командой ездил в аул? Нам послушать угодно, расскажи все нам подробно с начала и до конца, и как выручили сотника

Алабужина-молодца (он вас, я думаю, ожидал, как родного отца), и всю его команду, и по долгу присяги скажи же всю правду.

– Я буду говорить всю правду, верьте мне.

– Вот расскажите словесно, и дело будет чудесно» [Там же. С. 90].

Так в письменной речи оренбургского казака отражается его манера говорить, рассказывать – речь устная, и на ту и на другую оказали влияние жанры фольклорного театра, шуточные песни, забавные пословицы и поговорки, присловья и другое. Разговорно-просторечный стиль «Записок...» Н.В. Агапова препятствовал их публикации в XIX веке, хотя они содержали важные исторические сведения. Народные представления о комическом органично вписывались в культуру оренбургского казачества, несмотря на суровые условия жизни сословия и строгость нравов. Об интересе казачества к фольклорному театру говорит включение А.И. Мякутиным в IV том собрания «Песен оренбургских казаков» народной драмы «Царь Максимилиан» (1910), текст которой представляет собой «ритмическую прозу, основанную на повторах и перечислениях, что отвечало ее романтическому складу, открывало возможность для импровизации» [4. С. 37].

В вольной казачьей среде процесс освоения фольклором форм и средств комизма проявлялся весьма активно. Язык шуток, поговорок, прозвища сельчан достаточно ярко представлены в фольклоре исследуемых нами южных районов Курганской области, бывших территорий Оренбургского казачьего войска. Атмосфера праздничной площади, которая несла веселье и смех, царила, например, на ярмарках станицы Звериноголовской, крупного центра торговли с Азией в XIX – начале XX века. Станица находилась на границах четырех губерний: Оренбургской, Тургайской, Акмолинской, Тобольской, ее меновой двор и торговые обороты конкурировали с Троицком, Петропавловском, иногда с Оренбургом и Омском. Она была близка к Уральским заводам, и к ней направлялись торговые караваны из Средней Азии. Продавались огромные табуны киргизского скота, привозимые из внутренних губерний мануфактурные товары, хлеб, другие продукты и сырье земледелия и скотопромышленности, сосновый строительный материал, востребованный в степных районах [6. С. 26]. По словам профессора, доктора медицины Н.А. Воденникова из Санкт-Петербурга, детские годы которого прошли в этих краях, на ярмарках «ставились балаганы для игр, развлечений, карусели, выступали канатоходцы. Всюду слышалась музыка, царило веселье...» [Там же. С. 38]. Кроме крупных ярмарок, по воскресеньям еженедельно устраивались базары, от 700 до 1000 подвод (упряжек лошадей), около 20 процентов торговцев составляли местные жители.

С размахом праздновались престольные и другие православные праздники. Сочетание деловитости, торгового азарта и увеселений накладывало отпечаток на стиль общения казачества и фольклор. Перенимался

балаганный раус – разговор комедиантов в форме диалога с особым распределением ролей. Так, если на базар жители традиционно везли репу и капусту, их называли «репниками». Бывало, если один сосед не расслышал другого и переспросил, что было сказано, то мог услышать в ответ: «“Беловцы-репники с репой едут. Беги нагишом, полон подол накидают”. – “Хто, хто едут?” – “Хто, хто! Дед Пыхто!”». О кочердыкцах, славившихся зеленым луком-батуном, пелась частушка: «Кочердыкцы на арбе, / С поперечиной дуга, / Бутуну-то, бутуну-то – / Покупайте, господа» [7. С. 126]. В станице Усть-Уйской, где в 1900 году насчитывалось 555 дворов, также дважды в год проходили ярмарки: с 9 по 12 марта и с 21 по 24 ноября [8].

Предания о ярмарочных днях и праздниках передаются от поколения к поколению, например, о престольном празднике Воздвижения: «От родителей помню. Собиралось много народу. Пускались в беги по “царской дороге”, как она раньше называлась (действительно, это дорога, по которой проезжал престолонаследник Николай II. – *Н.У.*). Вот к первым лесам, за грань, 12 километров, туда заводили бегунцов (*бегунцов* – участников конных бегов. – *Н.У.*). Едут туда шагом. Они туда уедут, а тут делают заклады: кто придет первым. Боролись, пока бегунцы уедут. Богатые закладывали деньги. Если я оборол, а он за меня закладывал – значит, выиграл. Некоторые “бросали на подъем”, а некоторые “били под ногу”. Свалить надо было. Бороться приезжали с разных мест. Священник у нас тут был, Хомутов – его никто не мог перебороть. Здоровый был! Ребятишки не боролись, только мужики. Взрослые. Для потехи богатых мужиков чан делали, котел. Разводили болтушку из муки в этом котле. Бросали 10 копеек, 15 копеек, и вот находились такие ухаля – один выходил такой, он, значит, лазил в эту болтушку головой и эти 10–15 копеек ртом доставал. Сколько он их там надоставал?! Богатым, значит, для потехи. Что им, жалко, что ли? Победителям забегов устанавливался приз» (записано от Зайцева А.И., 1908 г. р., с. Звериноголовское) [7. С. 70]. Наряду с традиционными казачьими соревнованиями – конные бега, борьба – на праздниках были и потешные, увеселительные.

Масленица не обходилась без ряженья: «В Масленицу катались на лошадях, парни – верхом, а девки – в кошовках. Бега были по улице. Город делали на болоте. Круглый – кибиткой. Ребятишки лазили на него с тычками. Артелями брали город. Наряжались всяко: кто кыргызухой, кто цыганкой. Ходят из дома в дом, пляшут. Только водки подавай! Катаются с четверга. Блины пекут всю неделю» (записано от Садовщикова А.И., 1907 г. р., с. Отряд-Алабуга) [Там же. С. 73]. Ряженье в XIX веке уже утратило ритуальный смысл, рядились, чтобы вызвать смех, причиной которого часто был «комизм несходства», отличия норм бытия разных национальностей [9. С. 45].

Интересно, что жители бывших станиц до сих пор используют рашенный стих, чтобы описать интересное событие из жизни села, такие произведения даже отправляются в местные районные газеты, например, рассказ о сельском фольклорном ансамбле: «Живем мы от управы до управы (управа – уход за скотом, птицей по утрам и вечерам. – Н.У.), и вот однажды разорвали круг и с нервами, слезами и скандалом мы потряслись, казачки, в Оренбург. И притчей во языцех это стало. Казачью свадьбу в Оренбурге мы справляли (*инсценировали*. – Н.У.), нас денежками люди одаряли. Мы в Оренбурге были на казачьем круге, объездили с ансамблем всю округу: Зверинка, и Курган, и Куртамыш, и Заволокин приглашал нас в Юргамыш» [10].

Есть воспоминания о существовании в XIX веке в станице Звериноголовской народного театра, представления которого проходили в манеже казачьей школы: «Я еще школу захватил, в первый класс ходил, это при царизме. Школа была там, где почтовая связь. Это была казачья школа. (...) Строевые занятия проходили у казаков. У нас был выстроен манеж, ширина – метров 8 и длиной – 50. Первая половина – 10 рядов – там были сиденья, а на второй половине занимались строевой подготовкой. (...) Сиденья – скамейки. Здесь проходили спектакли. Это был второй театр (“второй” – в значении “самодельный, но не хуже профессионального”. – Н.У.). Хорошие, грамотные казаки были – интеллигенция. Они на все способны. Они хорошие давали пьесы. Вечером. Все было честь честью» (записано от Логинова М.Н., 1909 г. р., с. Звериноголовское, 1993 г.) [7. С. 248]. Созданию народного театра способствовала, действительно, образованность казачества. В 1843 году здесь уже работали мужская и женская станичные школы, преобразованные затем в двухклассные училища. В 1848 году открыто четырехклассное училище (и это в сельской местности, в ста километрах от ближайшего города). Думается, что народный театр появился в глубинке не на пустом месте, изначально был обусловлен интересом станичников к театру фольклорному.

Комическую окраску несут поговорки. По сей день можно услышать грубоватые и бесцеремонные поговорки, используемые для характеристики поведения и качеств человека, в которых искусно используются такие средства комического, как пародирование, гиперболы, метафоры, алогизм: «Шляешься где-то, как просвирия долговска» (как видно, просвирию из деревни Долговской редко можно было застать дома); записано от Рябковой А.Д., 1914 г. р.; «языком за угол зацепилась» (потратила время на болтовню, встретив на улице знакомых; записано от Рябковой Л.И., 1954 г. р.). «Не прокиснем» (шутливое оправдание, если по какой-то причине не истопили баню, не сделали вовремя уборку и т.п.); «Шошка, Ерощка да Колупай с братом» (о тех, от кого никакого толку); «Дел как у Шайдачихи» (у жены шайтана); «Щека щеку ест» (о чрезмерно

худощавом человеке) [11]. О том, как высмеиваются любительницы посудачить, на минутку забежав к соседке или куме, свидетельствуют и другие присловья: «Я пошла, а ты квашню примешивай» или «Кума, ты шей куму штаны, а мне ийти надо» (такими фразами время от времени иная болтливая гостя прерывает долгие пустые разговоры, но не уходит, пока у трудолюбивой соседки не подойдет тесто или пока кума не сошьет штаны; записано от Скардиной З.А., 1934 г. р.) [12].

Шуточных песен в крае сохранилось немного, одна из них – «Трошиха», не просто забавная, но демонстрирующая сатирический взгляд сельчан на характеры друг друга. По сути, текст песни строится с помощью раёшного стиха, сочетания сходно звучащих слов: «Ой, Трошиха, трошилася, / По середке сугорбилася. / У Трошонки избенка худа, / Не промыта, непроскобленная. / Солучилася у Трошихи любовь – / Потерялася из погреба морковь. / Ее девки повытаскали, / Раскрасотки повысакали. / Насакали два подола да мешок, / Наварили две чугушки (два чугуна. – Н.У.) да горшок. / Они маслом помазывали, / Молодых ребят приманивали: / -Вы ребята, ребяташки, / Приходите на вечерочки, / Как у нас на вечерочках / Да сидят все девчоночки! (записано от Софроновой Ф.И., 1941 г. р.; также ее пояснение: «Бабушка пела “Трошиху”. Берет заслонку, по ней ударяет шабалой, в такт поет. Шабалой самодельной доставали уголь из печки, для пельменей была шабала»). Судя по комментарию, эта шуточная песня представлялась, игралась [Там же]. Бытовая сатирическая картинка, нарисованная с помощью гиперболы, и ныне вызывает дружный смех слушателей. Объект осмеяния – кичливая нечистоплотная Трошиха – бойко охарактеризована в двух-трех словах: «трошилася», чересчур гордилась собою и «сугорбилася». Лучше бы ей навести порядок в избе – казачки чисто дом ведут, так что последнее дело, если изба «не промыта, непроскобленная».

«Девки» посмеялись над неряхой Трошихой, чтобы не важничала попусту. Любовь-морковь, вечерки – для молодых. Нужно заметить, что в песне изображается озорство молодежи, которое не поощрялось, поскольку нравы были суровыми, но и не относилось к воровству. «Девки повытаскали» морковь не с целью обогащения, а чтобы посмеяться. И эту тонкую грань сюжет песни не переступает. В крае до сих пор знают от старожилков, что казаки жестоко наказывали за кражу, так, за украденных коней не сносить было головы. До второй половины XIX века пойманный вор подвергался публичному осмеянию: «Жила у нас приезжая женщина. Своровала лук, вырвала с гряды и связала в косы. Косы у нее нашли, повешали на шею, и казаки водили ее по улицам. Не били, а просто водили. Это позор. Еще хомут надевали на шею за воровство» (записано от Черкасова А.В. в 1988 г., пос. Казак-Кочердык) [7. С. 249].

Жители станиц выражали ироническое отношение друг к другу, навязывая прозвища. Этот процесс использования фольклором языко-

вых средств удивляет разнообразием приемов создания комического. Во-первых, традиционно прозвища лаконично помогали различать множество однофамильцев и семьи родственников с одинаковыми фамилиями. Например, в Казак-Кочердыке одни Резепины в отличие от других звались «Сороками» по той причине, что дом их стоял возле Сорочьей «лывы» – лужи. Сапожниковы были «Барьки», а другие Сапожниковы – «Яры» (от слов *баран* и *ярка*, например, Коля-Яра). Одни Половниковы получили прозвище «Пчелки» – за трудолюбие, другие звались «Коротельки» – за малый рост. Прозвище можно было получить и по другой причине – попав в забавную ситуацию, продемонстрировав смешную черту характера (прием «посрамления воли»), когда комизм вызывается мелкими житейскими ситуациями [9. С. 71], ляпнув не к месту необдуманное слово или просто оговорившись («автоматизм речи»). Максимовых, например, из века в век называли «Субботами», так как дедушка их однажды оговорился, сказав «у нас много субботы» вместо «много работы» [7. С. 127]. Эту традицию не изжила наступившая эпоха всеобщего среднего образования. В этом же селе, когда в годы перестройки мир перевернулся с ног на голову, в одной из семей тронулись умом сразу два брата, возможно, имевшие наследственную предрасположенность к такому заболеванию, умные парни, закончившие один – техникум, второй – вуз. Людская молва сразу присвоила им прозвище «братья Карамазовы» [12] – в нем и жестокое осмеяние, и сочувствие трагедии, и, кроме того, своеобразная маркировка, которая указывала, что нужно остерегаться этих односельчан.

Просторечный, не брезгающий бранным словом раёшный стих прорывается в детском фольклоре бывших станиц: «Тень-тень-потетень, Выше городу плетень. Бояры наехали, Собак навезли, Собаки сдурели – Попа укусили. Поп с крестом, Попадья с пестом. Маленький Макарка – И тот с огарком. Маленька Матрешка – И та с поварешкой» [7. С. 196].

Совершенно очевидно, что «в пределах каждой из национальных культур разные социальные слои будут обладать различным чувством юмора и комического и разными средствами его выражения» [9. С. 26]. Представления казачества Южного Зауралья о комическом, отразившиеся в фольклоре, формировались на основе речи русского фольклорного театра. Смех служил социальным средством исправления нравов. Выступая выразителем культурных установок казачьего края, фольклор с помощью средств комизма регулировал общественное поведение.

Литература

1. *Борев Ю.Б.* Эстетика. М., 1981. С. 98–99.
2. *Гациский А.С.* Ярмарочные райки // Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1867. Т. 1. С. 225–228.

3. *Виноградов Н.Н.* Великорусский вертеп // Известия ОРЯС. 1905. Т.10. Кн. 3. С. 360–382.
4. *Некрылова А.Ф., Савушкина Н.И.* Фольклорный театр. М., 1988.
5. Записки Н.В. Агапова из походной жизни оренбургских казаков: Научная публикация и исследование текста / Сост. И.А. Филиппова, Е.В. Годовова, С.А. Моисеева. Оренбург, 2013.
6. Станица на Тоболе / Сост. М.И. Хлызов и др.; под ред. В.В. Пундани. Курган, 2002.
7. Русский дом. Русские семейно-бытовые традиции, обряды, говоры, заговоры, поверья в рассказах и песнях старожилов Зауралья / Авт.-сост. Л.А. Саверский. Шумиха, 2013.
8. Архив кафедры древнерусской литературы и фольклора Курганского госуниверситета. Усть-Уйское, 1983.
9. *Протт В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1976.
10. *Середовских Н.В.* И кладезь песенный, и слог // Голос целинника. 2013. № 3.
11. Архив кафедры русского и иностранных языков Курганской ГСХА. Звериноголовский район-2013.
12. Архив кафедры русского и иностранных языков Курганской ГСХА. Целинный район-2014.

*Курганская ГСХА
им. Т.С. Мальцева*